

Николай Берг

Эпоха мёртвых

Ночная смена
Остров живых

Мир «Эпохи мёртвых»

Николай Берг

Ночная смена. Остров живых

«1С-Публишинг»

2012

Берг Н.

Ночная смена. Остров живых / Н. Берг — «1С-Публишинг»,
2012 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

Завтра наступит не для всех. Главное – остаться людьми.

Содержание

Ночь. Десятые сутки Беды	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Берг

Ночная смена. Остров живых

Нам повезло. И мне, и тем, кто сейчас рядом со мной. За нас умерли другие, дав нам самое важное – время, необходимое для того, чтобы понять, что происходит. Им этого времени не хватило. Потому они не хуже или глупее нас. Никак нет. Просто менее везучие, принявшие на себя самый первый удар пришедшей на Землю катастрофы, которую у нас сейчас скромно величают Бедой. Такое происходит при любом бедствии: кому-то достается сразу полной меркой, а кто-то успевает понять, что нужно делать, и только поэтому – спастись. Хоть цунами, хоть наводнение, хоть война – разницы особой нет. Все было прекрасно, и вдруг – ррраз, прекрасное заканчивается навсегда... И уже совершенно не прекрасно все вокруг... Нам было трудно понять, что за катастрофа незаметно, но стремительно, началась у нас в городе.

В отличие от наводнений, которые в Питере бывают постоянно, а раз в сто лет бывает Большое Наводнение, внезапное нашествие зомби было впервые. Да и не только у нас: в Москве, откуда эта зараза поперла сначала, тоже никто не мог поверить в такую нелепость. Нет, фильмы про зомбаков, конечно, все смотрели, в компьютерных играх тоже такого было – хоть пруд пруди и к забору прислоняй. Но чтоб в реальной жизни... да еще так буднично, рутинно даже. Без особых шумовых и световых эффектов и жуткой трагической музыки фоном. Но почему-то умершие перестали быть покойными – наоборот, оказались после своего обращения агрессивными, голодными и крайне опасными. И это было по-настоящему страшно.

Видал я человека, которого в Санкт-Петербурге зимой кобра в губу укусила – выздоровел балбес. А вот от самого малейшего укуса вчерашних покойников все укушенные помирали довольно быстро, и ни одного случая чудесного спасения после укуса мне лично не известно. И добрые соседи, и родственники внезапно становились самыми опасными в мире тварями. Куда там жалким кобрам или бездарным крокодилам с пугливыми акулами! В самом начале эту жуть можно было бы пресечь достаточно легко. Но именно то, что произошло нечто из ряда вон – необъяснимое, не могущее быть в природе по определению – сбило с толку, помешало сразу отреагировать адекватно, а дальше стало банально поздно – эпидемия обратимой смерти полыхнула как пожар на пороховом заводе.

Через пару дней мертвяки уже заняли улицы во многих районах, еще через несколько дней по улице безопасно пройти было уже невозможно. Те, кто выжили, как и положено живым людям, в который раз уже за историю человечества показали, что человеческая порода не меняется, и в страшные моменты показывает всю палитру возможного – от святого самопожертвования и человечности до паскуднейшей сатанинской гнусности и невиданной даже у хищного зверья жестокости. В общем – ничего нового, чего не было бы раньше. Новым были только непонятно как функционирующие зомби.

Выжившие организовывались группами, удерживали какие-либо территории, с чьей-то легкой руки названными анклавами. Мне с моими знакомыми повезло оказаться в одном из таких анклавов, который разместился весьма удачно – в старой Петропавловской крепости. Удалось разжиться оружием и – что не менее важно – боеприпасами. Мы смогли удержаться, наладить связь с другими такими же анклавами и даже устроить несколько спасательных операций. И то, что вся наша компания оказалась в составе сводной группы, которая отправилась на зачистку завода по ремонту бронетехники, не удивительно. Сейчас бронетехника – самый востребованный транспорт в городе. Удивительно, что мы и тут уцелели, потому как люди есть разные. Одни организовали тут, на защищенной заводской территории, лагерь для спасения живых, другие – исповедовавшие какую-то не слишком мне понятную религию, сумели в этом лагере взять власть в свои потные ручонки. То, что в такие периоды сектам раздолье – понятно,

особенно понятно это сейчас: все рухнуло, чистый Апокалипсис, мертвые по улицам бродят, люди растерялись и многие из них готовы верить любой чуши, лишь бы ее говорили авторитетно и с уверенностью в голосе. Но вот то, что эти сектанты являются еще и людоедами – в голове не укладывается. В городе складов со жратвой полно, на несколько лет хватит, так что не в голоде дело. Дело именно в человеческой натуре. В тех ее сторонах, которые никак не поймешь...

Ночь. Десятые сутки Беды

Темно, знобко и погано на душе. Ноздреватый грязный снег хрустит под сапогами.

– Эти кронштадтские сильно с военными поругались, – говорит шагающий рядом Саша, поправляя звякнувший антабками автомат.

– Что так? – просто чтобы не молчать, отзываюсь я.

– А сухопутные пригнали четыре автобуса с конвоем, отобрали кого помоложе – парней и девчонок – и к себе увезли. А кронштадским, получается, одни старики и старухи останутся при таком раскладе. Пообещали автобусам колеса прострелить, если еще раз такое будет.

– Ясно. Ты бы тоже присматривался: тут девушек еще осталось немного – может, кого и спасешь. Небось, из-за компа и не было девушки-то постоянной?

– Как сказать... – мнется мой спутник.

– Тебе надо завести себе девчонку, – решительно говорю ему в ответ.

– Надо. Они мягкие такие. Их щупать приятно.

Ишь, тихоня... Я-то думал – он сугубо компьютерный ребенок, а он нормально мыслит. Благодаря компам, с одной стороны, можно было познакомиться хоть с японкой, хоть с австралийкой, а с другой стороны – с соседской девчонкой хрен познакомишься, особенно если у нее компа нет. Вот и получилась куча народу, переписывающегося в инете, и в то же время – боязнь противоположного пола при общении вживую стала проблемой.

Хотя, помнится, видал я девушку в отделе с компьютерной литературой Дома Книги – ждал там своего коллегу, а встречи я всегда назначаю в теплом и сухом месте – это у меня после армии рефлекс такой.

Девчонка явно была «на охоте», нормальная такая симпатичная девчонка. Она держала в руках какую-то книжку типа «компьютеры для заварочных чайников» и, приглядев подходящего парня из тех, кто там шарился по полкам, обратилась с вопросом.

Ясное дело, парни тут же начинали пушить хвост и надувать щеки, отвечая на ее вопрос. Что уж она там спрашивала – я не слышал, но, судя по тому, с каким пылом ей начинали растолковывать – вопрос был достаточно простой.

Подошел коллега – я ему показал эту сценку. Коллега хмыкнул: «Толковая девчонка. Берет за самое мягкое место, а парни в этом отделе всяко не самые бедные, не самые глупые, не сильно пьющие и, как положено компьютерщикам, вряд ли избалованы женским вниманием. Она сейчас наберет координат, потом попереписывается по «мылам» – глядишь, и будет свадобка! А парень еще и будет думать про счастливое стечение обстоятельств, про знак судьбы и про то, что его невеста – ламер...»

В чертовой темноте, освещаемой несколькими убогими костерками и огнем в ржавых бочках, лагерь на территории завода смотрится куда как мрачно. И до того, надо полагать, завод по ремонту бронетанковой техники с его здоровенными бетонными корпусами цехов выглядел не слишком уютно, а уж после того, что здесь произошло, и вовсе не кажется теплым местом. Хотя, наверное, когда тут организовали «Пункт спасения» для тех, кому повезло не превратиться в зомби за первый же день накатившей на город катастрофы, впечатления у попавших в безопасное место были другими. Кто ж знал, что власть здесь фатально изменится и все превратится в мерзотный концлагерь буквально за одну ночь. А теперь нам тут все последствия разгребать...

И последствий этих будет много. Освобожденные нами сейчас спят вповалку, где смогли приткнуться, сектанты – или кто тут верховодил последнее время – удрали. Кто успел. Но мне страшно. Даже не потому, что сыро, холодно и темно; не потому, что совсем неподалеку валяется несколько сотен трупов упокоенных уже, да и неуспокоенные тоже вполне могут быть

рядом – нет, это как раз привычно. Уже привычно. Мне страшно оттого, что я наглядно убедился в том, насколько моментально люди теряют человеческое в себе.

Такое ощущение, что на этой загаженной, пропахшей ужасом территории я нахожусь уже давно. Даже не верится, что, собственно, только вчера сводная компания из гарнизона Петропавловской крепости, Кронштадта, с Медвежьего Стана и от Ржевского полигона бойко начала зачистку этого завода, напоролась на грамотное сопротивление основавшихся здесь сектантов, понесла катастрофические потери и в общем-то чудом сумела все-таки эту территорию очистить.

Теперь сил тут – кот наплакал, а вот спасенных получается несколько тысяч, и что начнется тут утром, когда простоявшие в битком набитых цехах трое суток без воды и еды люди немного придут в себя – сложно представить. Это ж такое начнется... Сейчас-то они все спать повалились, кто где нашел себе место, потому тихо. Ну, почти тихо. Выстрелы-то слышны, только на них никто уже внимания не обращает. Что удивляет и радует: зомби тут пока попадались только некормленые – первичные, если можно так сказать. Ни шустряков, отдававших мяса, ни морфов, изменившихся уже до весьма опасной степени увеличения силы и скорости, пока нет. Тут же даю себе мысленного пинка: в нескольких корпусах завода таких тварей сидит целая куча. Хорошая была затея у сектантов, очень хорошая. И потери мы вчера понесли страшные, когда уже торжествовавшие победу люди получили «подарочек»: радиосигнал подорвал несколько зарядиков в цехе, где сидели специально откормленные шустеры и почти морфы, как стали называть отожравшихся на мертвечине зомбаков, взрывами снесло петли ворот – и куча голодной нежити вымахнула прямо в толпу и освобожденных из соседнего цеха живых, и наших, посчитавших, что дело уже в шляпе и бояться нечего. Меня передергивает от представленного зрелища.

Около полевой кухни оказывается кисло: истопник, скорчившись в позе эмбриона, лежит на какой-то дерюге, повар стоит на коленях рядом, оба окружены кучей народа и даже патрульные тут – и наши, и пара кронштадтских.

Один из них как раз сует лежащему фляжку.

У меня возникает сильное желание прострелить патрульному башку – это тот самый борец за истинно народную медицину, с которым я уже цапался неоднократно. Надо было его с катера все же сбросить, чую спинным хребтом – я еще с ним наплачусь. Успеваю убрать флягу от губ истопника. Встречаюсь взглядом с милосердным патрульным-самаритянином.

– Что вы лезете? – возмущенно спрашивает меня знаток медицины.

– Вы – патрульный? – уточняю я.

– Да. И я оказываю помощь, – горделиво заявляет он.

– Вот сейчас подберется к нам сзади очередной шустер – и будет тут веселье. Помощь я и сам окажу, а вы будьте любезны – патрулируйте, черт вас дерит, доверенную вам территорию.

– Но вы ее окажете неправильно!

– Знаете, мне несколько неловко...

– Что?

– Если вы не встанете на ноги и не отправитесь патрулировать, мне придется дать вам ботинком по морде, а это не очень хорошо для воспитанных людей. Идите патрулировать!

Упоминание о шустерах, однако, делает свое дело: одна пара патрульных, спохватившись, начинает выбираться из толпы. Мало того – они тянут за руку и моего оппонента. «Пийшлы, пийшлы!» – убедительно толкует один из них.

– А я уж думал дать ему по харе прикладом, – заявляет Саша.

– Я тоже думал... Что тут у вас случилось? – спрашиваю у заболевшего.

– Живот... схватило... – в два приема выдыхает лежащий.

– Как схватило? Рвота, понос были?

– Как ножом под ложечку пырнули. Больно, аж режет...

– Рвоты и стула не было, – замечает толстый повар. – И ножом не пырлял никто: я испугался, рукой залез – нет там ран. И крови нет.

– У вас язву диагностировали? – спрашиваю лежащего.

Истопник испуганно смотрит на меня. Дыхание у него частое и неглубокое – даже так видно, а поднесенная к его носу кисть руки это подтверждает – кожа на тыльной стороне кисти нежная. Дыхание улавливает четко.

– Да была вроде. Думаете, она?

– Мужайся, княгиня, – печальные вести, как пелось в опере «Князь Игорь», – глупо шучу я. – Думаю, что у вас прободная язва желудка или двенадцатиперстной кишки. Будем вас эвакуировать. Саша, свяжись с нашим ботаником – urgentный случай, надо больницу предупредить – операционная нужна на ушивание перфорированной язвы желудка. Нам тут транспорт необходим для доставки лежащего на берег и транспорт с берега до больницы.

Саша начинает бубнить в «Длинное Ухо», как он называет свою рацию.

– А без операции – никак, а? Обязательно резать надо? – жалобно спрашивает пациент.

– Никак. Но вы так не волнуйтесь – в клинике и операционная есть, и врачи – сделают в лучшем виде, – пытаюсь его успокоить.

– А может все-таки не надо резать, а?

– У вас дырка в желудке. Сквозная. И все из желудка льется долой. Прямиком на кишечник, в брюшную полость. Сейчас вам хреново, потом через несколько часиков станет полегче – отомрут нервные окончания, а еще через несколько часиков будет отличный разлитой перитонит, и придется ампутировать кусок кишечника. Дальше вы или будете как многочисленные наши сограждане – зомби или выживете, но останетесь калекой. Мне очень не весело вам это говорить, но лучше, чтоб вы были в курсе дел.

– А попить можно? Во рту пересохло!

– Сейчас ватку намочу, язык увлажним – легче станет, а вот пить нельзя категорически. Кстати! – тут я поворачиваюсь к повару – Вы же говорили, что вы – биолог?

– Да, а что?

– Почему допустили к пациенту этого самозваного лепилу с фляжкой?

– Знаете, он был очень убедителен, а я, к своему стыду, должен признать – растерялся...

Смущенный повар лезет на кухню – продолжать раздачу жидкого супчика, благо толпа голодных все же дала возможность разобраться с заболевшим. А сейчас уже заворчали, нетерпение проявляют.

Ну да, разумеется – как появляется очередной наглый сукин сын, так окружающие вместо сапогом ему под копчик – развешивают уши. Потом удивляются: где мозги были. Знакомо. Главное – вести себя самоуверенно, тогда любая лажа годится... Эх!

Поверхностный осмотр только подтверждает диагноз.

Холодный пот, живот как доска и любое движение усиливает боль.

В утешение рассказываю страдальцу про то, как я давным-давно делал хирургическое пособие в глухомани – операция была по удалению нагноившегося ногтя на большом пальце ноги. Под анестезией стаканом портвейна пациент пел лежа на койке и играл на баяне, чтоб ему было не страшно, а я оперировал безопасной бритвой «Нева» и перочинным ножиком. Да, еще у меня были пассатижи... И самогонка для стерилизации операционного поля и инструментов. Зажило, кстати, отлично. И новый ноготь вырос нормальным.

Больного увозит в кузове обшарпанная «Газель», а мы застаем определенно суету, характерную для начала действия. Больного сгрузят на берегу – там, где развернут с самого начала операции медпункт – и быстро эвакуируют катером. Повар, вспомнив нечто важное, успевает поделиться этим важным с нами. Возвращаемся груженные этим самым важным к медпункту...

– Решили выдвинуться к пустым цехам, как тебе и хотелось, – удивляет меня снайпер Ильяс, который сейчас командует нашей группкой.

– И почему такое пуркуа па? Ты ж мне отказал категорично, когда я тебя просил проверить пустые цеха.

– На свете есть такое, друг Гораций, о чём не ведают в отделе эксгумаций! – вворачивает одну из своих типовых судебно-медицинских шуточек стоящий рядом с нашим новоиспеченным командиром мой младший братец. – Возник шанс разжиться всяким вкусным, заодно оказав массу благодеяний страждущему человечеству.

– Я пустой. Медикаменты нужны.

– Сейчас с берега привезут. Давай, прикидывай, кого из медиков берешь, – невесть откуда взявшимся бодрым командирским тоном спрашивает Ильяс.

– А чего прикидывать – братец и медсестрички остаются тут, поиск проводить будут санинструкторы, ну и я с ними в первый раз схожу. Поднатаскать. Тут другой вопрос возник.

Ильяс поднимает вопросительно бровь.

– Повар этот напомнил, что куча жертв при переправе Великой Армии через Березину была связана с особенностями человеческой психологии...

– Бре! Сейчас будешь рассказывать, что мосты французские саперы построили еще вечером. Ночью мосты стояли совершенно пустые, никто по ним не шел, хотя некоторые толковые офицеры пытались заставить этих «жарильщиков» оторвать задницы и пройти полкилометра, но все сидели у костерков, а вот утром ломанулись скопом, устроили давку, попадали с мостов в воду, сами мосты своей тяжестью поломали и в итоге обеспечили полноценную катастрофу. Так?

– Так. А ты откуда знаешь?

– Ты ушами слушаешь? Я тебе говорил уже – мой предок там отличился. У нас в роду к предкам относиться принято серьезно. Мы ж, – Ильяс ядовито ухмыляется и с нескрываемой издевкой выговаривает, – не цыфилисофанне, дикие... Ладно. Сам думаю, что с утра хлопот добавится – куда там...

– Я все же не понимаю, что вдруг ты согласился... Не, ты, конечно, у нас командир, и как скажешь – так и будет; но все-таки?

– Там стоит брошенная исправная бронетехника. Несколько единиц. Кронштадтские пока не сообразили, армейские – тож туда опасаются сунуться. Руки у них не доходят. А нам – как бы и кстати. И медпомощь оказали, ну и к подметке что-то прилипло... Не отлеплять же... Компрене ву, или нет?

– Ву! Сейчас сумку пополню. С братцем своим детали обговорю – и форвертс!

– Это по-какейски?

– Вперед. По-немецки – поясняю ему.

– По-немецки я только «ахтунги» знаю.

Ильяс подмигивает. Не могу понять, но как только он стал командиром нашей «охотничьей команды» что-то в нем изменилось. Или наш снайпер сам поменялся?

Пока я снова набиваю сумку, никак не могу отделаться от впечатления, оставшегося после разговора с нашим командиром. Вишь, у них в семье помнят парня, который воевал, черт возьми, аж два века назад. Честно говоря, мне завидно. Хотя вот я своего деда помню.

Он был очень спокойным и работающим человеком – причем руки у него были золотые. Одинаково мог починить часы и сделать легкую и удобную мебель, сделать сруб для дома или починить резную раму для старинного зеркала. Неторопливый, добродушный.

Про войну рассказывать не любил. Свое участие в ней оценивал скромно. Потому я, воспитанный на поганой совковой ГЛАВПУРовской пропаганде, считал, что вообще-то, раз солдат не убил пару сотен немцев и не сжег десяток немецких танков, то и говорить не о чем.

Это большая беда: про войну наши воевавшие рассказывать не любили – берегли нас от тех ужасов, а пропагандисты, как правило, были из «героев Ташкентского фронта», и потому их стараниями сейчас разные выкидыши от истории плетут невиданную чушь, а им верят внуки и правнуки тех, кто победили великолепную германо-европейскую армию, кто дал нам жить и так напугал наших неприятелей, что полвека мы не воевали – нас боялись. Вот, кстати, битые немцы про войну рассказывать любили. Такие мемуары понаписали, что любо-дорого. Посчитать если, так они дважды все наше население постреляли, все танки пожгли и всю авиацию сбили, и почему опозорились в конце войны сдачей своей столицы и безоговорочной капитуляцией – совершенно непонятно.

Еще будучи совсем мелким, я сильно удивился, когда мы с дедом мылись в бане. У деда правая ягодица сверху была украшена пяточком тонкой блестящей кожицы, а вот снизу отсутствовал здоровенный кусок – с мой кулак, причем там шрам был страшным и здоровенным. Каким-то перекрученным, сине-багровым, в жгутах рубцовой ткани.

Естественно, я поинтересовался. Дед, смутившись, объяснил, что это пулевое ранение. Навылет.

Должен признаться, что как-то мне это показалось диким. Ведь все ранения у смелых – спереди. А тут сзади. Да еще в попу. Совсем как-то неловко. Очень нехорошо. Хотя деда жалко, конечно, но как-то стыдно и нехорошо.

На том дело и закончилось. В разговорах с мальчишками «про войну» я эту тему старательно обтекал. В семье были еще воевавшие, но все они как-то категорически не вписывались в плакатный образ бойца-победителя.

Часто в гости приходил брат деда. С одной стороны, он был моряком, участвовал в обороне Одессы, списавшись там с корабля на берег – в морскую пехоту.

Это звучало дико – «морская пехота». Сейчас такое представить трудно, потому как американцы со своими маринами – морскими пехотинцами – так всем прожужжали уши, что теперешние дети, небось, скорее пехоте удивятся. А вот в то время, когда я был маленьким, как-то странно это звучало. Как какой-то суррогат пехоты. Моряки же должны на кораблях воевать, а тут вдруг – в пехоте. Все равно как спешенный танкист или летчик.

Потом брат деда воевал под Севастополем. Там и попал в плен. Ну, как так в плен?

А героически подорвать себя гранатой? С десятками немцев? И хотя дед уважительно отзывался о том, как воевал его брат, к самому брату он относился не очень хорошо.

Я это понимал так: брат деда женился на некрасивой бесцеремонной толстой бабе с трубным голосом, много пьет и с дедом часто спорит. Отсюда и прохладность в отношениях.

Сильно потом уже узнал, что брат деда после немецкого плена, хватанув еще конца войны после освобождения, все время был уверен, что скоро будет новая война и потому глупо заводить детей, а надо жить в свое удовольствие. Ладный умный парень стремительно спился. И красивые женщины, идя чередой, как-то незаметно превратились в страшноватых баб, последней из которых хватило ума держать мужа (таки убедила расписаться) постоянно датым. Меня еще удивляло, что она отмеряет ему из бутылочки, которая всегда была у нее в сумке, дозы портвешка – по чуть-чуть, но довольно часто.

Деду не нравилось, когда его брат начинал над ним посмеиваться: ишь, выводок родил, а вот сейчас война будет – и все. Я-де хоть пожил! Не нравилось, что пьет. Не нравилась его беспардонная жена...

А потом мне попала книжка Ремарка «На западном фронте без перемен». Этого писателя я уважал, и потому отношение его героя к ранениям в задницу, как к совершенно одина-

ковым с другими, меня удивило и заставило подумать. То, что и смелый может получить рану в спину, а тем более в задницу – это я тоже понял.

Опять же и бабушка как-то невзначай вспомнила, когда я пришел из школы с разбитым носом, что вот дед-то в драке был крут и обидеть его было непросто и что она – будучи завидной невестой с выбором – выбрала его после того, как он на деревенских посиделках отлупил деревянной лавкой целую кодлу пришедших озорничать парней из соседской деревни.

То, что мне удалось в свое время выпросить у скупно рассказывавшего деда, запомнилось. Получилось отрывочно и не очень точно – дед-то мне называл и деревни, и части, и фамилии генералов и другого начальства, фамилии товарищей – он все это отлично помнил. Забывал то, что было час назад, а то, что было тогда – помнил точно и не путался.

В финскую войну дед служил в зенитно-пулеметной роте. Это счетверенные станковые пулеметы «Максим» на тяжелой тумбе, установленные в кузовах грузовиков.

Работы было много, боев мало. У финнов было негусто самолетов, летали они редко.

Финская армия дралась за свою землю свирепо, и потери в нашей пехоте, штурмовавшей линию Маннергейма, были серьезны. Деду запомнились наши горелые танки – особенно многобашенные монстры. Дырочка в броне маленькая, а танк сгорел, люки закрыты и горелым мясом пахнет вместе с горелой резиной. Или – если не горелый – под танком и на броне кровь студнем...

Выбили финнов из деревни. Танки по улицам ездят спокойно, а пехотинцев тут же расстреливают, не пойми откуда. Прибыло начальство. Распорядилось. Пришли огнеметные танки – маленькие, с длинным стволом, на конце которого горел шмат пакли, и от этого огня вспыхивала струя горючей жидкости. Сожгли дома. Оказалось, что стрельба велась из подвалов, переоборудованных в доты. Саперы эти подвалы подорвали практически без потерь – вместе с их гарнизонами. Ходили слухи, что у финнов воюют и женщины.

Мои руки автоматически раскладывают поувесистой сумке бинты и медикаменты. Это никак не мешает вспоминать.

Дед ни разу среди мертвых финнов женщин не видел, но эту точку зрения разделял уверенно. Ему надо было с приятелем перейти открытое пространство между двумя рошицами – на виду у финнов. Решили дернуть «на авось» – обходить больно не хотелось.

Только вышли – с того края, из кустов, куда они направлялись, им кричат: «Не ходите здесь! Снайпер стреляет!» И – хлоп выстрел. Мимо!

Дед и его приятель пустились бегом. Еще выстрел – и еще мимо.

Дед был твердо уверен: женщина стреляла, потому и промазала. Мужик двух дурней ленивых не упустил бы.

Усмехаюсь про себя. Тогда это было совершенно нормально, сейчас бы уже окрестили сексизмом.

Колонну грузовиков вечером обстреляли из засады. Ответ получился внушительный, финны его явно не ожидали – видно, приняли боевые машины за обозные – вот и напоролась. Из счетверенных-то – сильное впечатление. Один пулемет, не напрягаясь, 300 выстрелов в минуту, а тут вчетвером с одной только машины – 1200 пуль в минуту, да машин – не одна. Колонна остановилась. Потом собрались и прочесали опушку. Нашли какие-то финские шмотки и брошенный автомат «Суоми» с круглым диском.

Боец, который на гражданке был часовщиком, взялся его разобрать. Разобрал-то его быстро, а потом оказалось многовато лишних деталей. Не получилось его собрать – бросили в костер.

Почему-то часть роты стояла отдельно, и потому пришлось выбирать каптенармуса и повара для тех, кто стоял в отрыве от основной группы. Выбрали деда, чем он явно гордился – мне так это и сейчас кажется хлопотным делом, а деду польстило, что его посчитали достой-

ным, порядочным человеком. Ну, он и натерпелся в первый же день. Привез мясо и, взвесив – ужаснулся: недостача, причем большая. Кинулся обратно. Ему со смехом показали на все еще лежащий на весах топор – дед его сгоряча положил вместе с мясом, вместе и взвесил. Получил дополнительно кусок с гарниром из шуточек. Привез, сварил, взвесил вареное мясо. Опять ужаснулся – мяса стало снова меньше, чем было. Чертовщина какая-то! Ну, остороженько поуточнял и успокоился – умные люди разъяснили: мясо, оказывается, уваривается – вареное легче сырого...

(Думаю, что сейчас многие удивятся: во, какие лохи! И эти болваны не стырили кусок мяса, а вернули, и каптер дурак какой-то: при кухне, а не воровал, да и работе обрадовался – тоже, значит, лох; не лохи – оне не работают! Могу только сказать: если так – поганое сейчас время.)

А то время, когда они были подальше от начальства и как бы совсем сами по себе, было очень спокойным. Не было дурацкой работы из принципа: чтоб только солдат занять. Деду, например, очень не нравилась перебивка лент для пулемета – это было как раз «чтоб не бездельничали»: из длиннющей ленты в 1000 патронов надо все патроны вынуть, почистить саму ленту, почистить патроны и потом машинкой вставить их обратно. Было много работы по обустройству – уже была зима, а надо было и жилье сделать, и баньку: в войсках того времени это было привычно – как встали на место и надолго, тут же начинали обзаводиться баньками для личного состава. Командиры гордились, если их подчиненные и живут удобнее, и баня лучше, чем у соседа.

Помимо деда, были и другие мастера – но плотники. А плотник супротив столяра-краснодеревщика – никакого сравнения не выдерживает. Поэтому дед еще и стройкой там руководил. Соседям нос утерли – добротные получились и блиндажи, и баня, и прочее, что требовалось. Дед хорошо и печи клал.

Одно деду жизнь отравляло: на кухне у него крыса завелась. Вот посреди леса – и крыса.

Дед чистюлей всегда был, и такое соседство его бесило. Он раздобыл у приятелей наган – почему-то с отпиленным куском ствола – и решил крысу подкараулить у одного из ее выходов. Несколько раз крыса выбиралась не оттуда, где ее ждали – но, наконец, совпало, и дед ее героически пристрелил. Для остальных бойцов это приключение было долго основной темой и источником всяческих шуточек и подковырок – как Иваныч за крысаком охотился. Но вместе с тем зауважали еще больше, потому как чистота на кухне – это дело.

А дед после похорон убиенного крыса подале от кухни задумался: что пасюк посреди леса делал? Ну не живут крысы в лесу, они в домах живут. Стал копать снег, где крысова нора была.

Под снегом – слой углей. А под углями – недогоревшие доски-бревна и кирпичный свод с люком. Дом был с подвалом. Дом-то сгорел, а подвал уцелел и оказался набит всякими соленьями-вареньями, что здорово улучшило рацион зенитчиков. Ощутимый оказался приварок.

(Опять же по нынешним понятиям – лохство сплошное: что бы стоило товарищам все это продать, а не отдавать даром... Разбогател бы!)

Вообще финские дома поражали зажиточностью: сами-то дома – не так чтоб очень, наши тоже не хуже строили, а вот городская мебель и особенно костюмы «на плечиках» – удивляли. Дело понятное: война шла в самых фешенебельных местах Финляндии, на курортах Карельского перешейка, потом в 1944-м докатилась до куда более скудных и убогих мест – разительный был контраст, а на карельском жили весьма небедные финны. В подвалах оставались запасы – и хотя политбойцы рассказывали, что финны все отравляют, – ели. Многие пожи-

вились финским добром из брошенных домов. Дед не польстился. Еда на войне – это одно, а воровать вещи был не приучен. Посылал дочке (моей будущей маме) цветные картинки в письмах. Птички, цветочки... Пачка открыток где-то попала. Вот их и пользовал.

А еще отметил, что у финнов срубы рубили не так, как у нас, да еще то, что сараи для хранения сена были «дырявые»: бревна со здоровенными щелями уложены – видно, чтоб сено на сквозняке было...

Потерь в зенпультоте было мало и какие-то они тоже были нелепые. Два солдата чистили пулеметы после стрельбы. Один случайно нажал грудью на общий рычаг спуска. Стоявший напротив был убит наповал – в одном из четырех пулеметов в стволе оказался патрон...

К деревне, где стояли наши войска, из леса на лыжах прикатили гуськом пятеро финнов. Их увидели издалека и сбежались посмотреть. Кто-то ляпнул, что это финны в плен сдаваться идут. Народу набежало много, а финнов пятеро, идут целенаправленно, ясно видят же, что в деревне русские. Наверное, действительно сдаваться. А оказалось – не совсем. Подъехали поближе, шустро развернулись веером и вlepили из автоматов «от живота» – да по толпе. Наши шарахнулись в разные стороны, но многим досталось. А финны так же шустро по своей лыжне – обратно в лес. Тут и оказалось, что поглазеть пришли без винтовок. Пока то-се – финны уже у леса. «Если финн встал на лыжи – его и пуля не догонит». Но одного догнала. Тогда двое финнов раненого подхватили под мышки, двое других съехали с лыжни – и пошли, торя лыжни для носильщиков, чтоб тем, кто раненого тащит, не по целине переть – и в момент в лес.

После этого наши сделали такой вывод: без винтовки – никуда. Чтоб всегда при себе. А то умыли почти вчистую... Так и учились.

Еще дед запомнил финские окопы – старательно сделанные, глубокие, с обшивкой – и то, что во время наших артобстрелов финны утекали во вторую линию, а наши молотили по первой. Когда артобстрел прекращался, и наша пехота поднималась – финны тут же занимали передовые окопы и встречали атакующих плотным огнем. Пока кому-то из артиллеристов не пришлось в голову перенести огонь на вторую линию, а пехоте подняться до окончания обстрела. Вот тогда получилось почти так же, как действовали немцы в 41-м: финнов здорово накрыли на запасной позиции, а потом еще и пехота оказалась куда ближе. Трупов финских осталось в траншеях и ходах сообщений богато. Ребята из расчетов ходили смотреть, и ходили долго. Ну, а дед глянул для общего развития и не особо долго зрелищем наслаждался – ну, трупы и трупы, не велико счастье на мертвецов пялиться.

И о дотах финских, о полосах заграждения дед отзывался с уважением – большая работа и грамотно сделана была.

Уже летом 1940 года. Дневной марш по пыльной проселочной дороге. На потных солдат пыль ковром садится, вместо лиц – странные маски с зубами и глазами – не узнать, разве что по голосу. В глотках пересохло. Долгожданный привал – в лесу у озера. Солдаты толпой к воде.

Дед был дневальным, задержался. Но быстро договорился с другим парнем – с соседней машины и тоже побежал с дороги под уклон, снимая пилотку, ремень и гимнастерку. Влетел в кучу сослуживцев, а они, полуодетые, почему-то в воду не лезут, хотя жара и пыль на зубах скрипит. Дед их спрашивать – а они пальцами тычут. В воде, неподалеку от берега, лежат на дне прошлогодние трупы в нижнем белье. Непонятно чьи, почти скелеты уже, но еще не совсем... Вода прозрачная, все в деталях видно.

Поплескались с краешку...

Не вышло купания.

Дальше поехали, как пришибленные.
Кто там валялся – одному богу известно.

(Сейчас, конечно, ясно всем, что там могли валяться токо совки, потому как финны практически войну выиграли, только от щедрого сердца отдав все, что им сказал Молотов, а своих солдат они не бросали и вообще финнов нисколько не погибло.

Мне лично так считать мешает то, что мой родной дядька нашел как-то вместо гриба череп – принял его за шляпку боровика, торчащую из мха. Потом они с приятелями скатали мох – и нашли несколько скелетов в полном обвесе, с лыжами, оружием. Несколько финнов. Рассказывал он, что там они лежали практически кучей, а считать не было интереса. Начало 60-х годов – все еще было неплохого сохрана: и финская обувь с загнутыми носами, и свитера, и кеппи... Ну, тогдашние мальчишки такого добра видали много, а эти лыжники, судя по многочисленным пулевым дыркам в костях, попавшие под пулемет, были какими-то нищесборными, даже ножи были какие-то некрасивые...

И другие мои знакомые не раз находили в лесу финские останки. Да, я знаю, что наша партия и правительство хреново относились к нашим погибшим бойцам, их много и сейчас лежит недопохороненными, но не надо рисовать наших врагов ангелами во плоти. У них тоже всяко бывало. Вот чего у них не было – это такой выжженной земли, какую они устроили у нас, уходя с нашей земли... И нашим дедам надо было все отстраивать заново. Может, потому не до мертвых было...)

Дед вернулся с Финской войны целым и невредимым. Никого не убил и не привез никаких трофеев.

После Финской дома прожил всего ничего. Практически на следующий же день после объявления войны был призван. И началась еще более страшная и длинная война.

Меня окликают, встряхиваюсь. Не время для глубокомысленных раздумий и воспоминаний. Санинструкторы стоят кучкой. Нервно курят. Мальчишки совсем.

– В одну шеренгу – становись! – командую им.

Не слишком шустро и ворча что-то, все таки выстраиваются кривоватой шеренгой.

– Сейчас пойдем к цехам. Задача – сбор уцелевших раненых. Вопросы?

– А если там живых нету? – спрашивает один из середины, верткий такой, ушанка у него нахлобучена «с чужого плеча», уши торчат смешно. Надо бы, по уму, чтоб он сначала разрешения попросил на вопрос – как-никак я все-таки успел стать офицером, но все равно для этих мальчишек я штатский, так что черт с ним.

– Тогда упокоение зомби, сбор оружия и действия по обстановке. Опыт оказания медпомощи есть? У кого есть – поднимите руку, – говорю им.

Поднимают руку трое. Маловато.

– Значит, напоминаю: если кровотечение – заткнуть дыру тампоном или индпакетом, кровь остановить, рану перевязать, сломанные конечности не тормозить, обездвижить на два сустава минимум.

– Шин у нас нет, – доносится из строя.

– Пользуйтесь подручным – вот я недавно магазин пустой на перелом примотал.

– Собираешься им курс лекций читать? – тихо, чтобы не ронять моего авторитета, деликатно спрашивает Ильяс у меня. По тону понятно, что он категорически не одобряет моего почина.

– Только самое важное и то в двух словах, – так же негромко отвечаю я.

– Лучше им скажи, чтоб оружие держали наготове, но на предохранителе, поодиночке не шарились и не перестреляли друг друга сдуру.

Тут Ильяс прав. По возможности кратко говорю им это. Ильяс терпеливо выжидается конца речи и тут же распределяет мальчишек – кто с кем двигается.

Нам не удастся добраться спокойно до цехов.

Там была бойня.

Но и здесь убитых валяется много. Вижу, что это, скорее всего, упокоенные.

Погибшие лежат не так чтоб слоем, но проехать невозможно, а давить тела наш водитель Вовка категорически отказался. Благородно, конечно, но есть у меня смутное подозрение, что причина несколько иная. Впрочем, эти мысли я высказывать не собираюсь.

– Будем растаскивать – чтоб дорогу освободить. Мы с Андреем – на прикрытии с БТР, Серега – пулемет, держишь заднюю полусферу. Пятая и шестая тройки – оттаскивают, третья и четвертая – на прикрытии, меняются через десять минут – направление на вон ту маталыгу¹, что к нам ближе, резерв – у кормы БТР², – дает расклад Ильяс.

– Мне что делать? – спрашиваю у него, когда он лезет на БТР.

– На тебе – ракеты. Если вдруг что нештатное – давай ракету. И посматривай по сторонам. Внимательно!

– Ильяс – как бы не укусили таскателей!

– Багров у нас нет. Вереvoчных петель не напасешься. А все одеты по-зимнему, в перчатках, так что только лицо беречь. Да и почищено тут уже.

– Пару багров я видел, – откликается курсант Званцев, носящий заодно дурацкую кличку Рукокрыл, сидящий сейчас за фарой-искателем.

– Где?

– На пожарных щитах.

– Третья и четвертая тройки вместе со Званцевым-младшим – притащите багры. Одна нога здесь, другая – там.

– Нехорошо людей, как тюки какие, баграми кантовать, – отзывается один из посылаемых.

– Исполнять! Нам тут еще укушенных не хватает!

– Так они же упокоенные!

– Доктор видал такого – засадника, в куче мусора поджидал. И ваши тоже видали – под машиной прятался, так что отставить базар – и бегом! Времени мало! Бегом, я сказал!

Что-то быстро стал Ильяс заводиться...

Посланцы скоро вернулись, теперь БТР рывками продвигается по 10 – 15 метров и встает, подсвечивая фарами следующий участок пути. Пока ни одного зомби не попало. А вот тела идут все гуще и гуще. Едем как по рельсам – не свернуть. В БТР уже накидали два десятка собранных автоматов, несколько бронежилетов, подсумки с магазинами. А мы еще не добрались до эпицентра.

Черт, какие нелепые потери – и катастрофические! То-то сухопутчики свалили большей частью. Такой провал деморализует мощно – здорово, что у зомби скорость мала.

А то добили бы оставшихся: паника – страшная беда, бегущий в панике – легкая добыча.

У первой же брошенной маталыги сюрприз – дверцы заперты изнутри, люки закрыты. Кто-то успел запереться.

– Ну, кто что скажет – зомбак там или живой? – спрашивает Ильяс.

– Постучите да спросите.

– Эй, есть кто живой? – грохает прикладом в стенку МТЛБ меньшей Званцев.

В ответ в брюхе стылой машины отчетливо лязгает передернутый затвор автомата.

И снова тихо.

Сидящий – или сидящие – не отвечают.

¹ Маталыга (*жарг.*) – артиллерийский легкобронированный тягач МТЛБ.

² БТР – бронетранспортер.

Зато затвором лязгают на каждый окрик.

Андрей внимательно послушал несколько раз, попросив остальных не шуметь, потом о чем-то поговорил с Ильясом и Вовкой.

Вовка явно отрицательно отнесся к сказанному – головой мотает.

Ильяс злится. В конце концов, сам идет к кормовым люкам, руками показывает, чтоб все ушли из возможного сектора обстрела – и рывком открывает дверцу, отскакивая в сторону.

Опять лязгает затвор.

И еще раз.

– Вы что, первый раз на свет родились? – яростно спрашивает Ильяс.

– А что ты хочешь? – осторожно осведомляется конопатый санинструктор, предусмотрительно стоящий сбоку от темной глыбы МТЛБ.

– Фонарь давай! – поворачивается ко мне Ильяс.

Отмахивается от попытки удержать его за плечо и выставляет фонарь так, чтоб ослепить сидящего в глубине машины.

Затвор начинает лязгать несколько раз подряд.

Тогда наш командир, не скрываясь, пролезает в проем двери и светит перед собой.

– Пятая тройка – вытаскивайте!

Заглядываю через его плечо. В луче фонаря – скорчившись в комочек и выставив перед собой автомат, сидит совсем мальчишка и дергает затвор автомата. Понятно, что слушал Андрей: магазин давно пуст, патроны при дерганьи затвора не вылетают, не стучают по полу, не катятся... А вот физиономия пацана мне не нравится никак. Не в себе он.

Мимо лезут ребята из тройки. Внутри после короткого бухтения и звука пары пощечин начинается драка, и резкий визг бьет по ушам.

– Этот суконыш вылезать не хочет!

– Эй! Не бей его!

– Дык он кусается!

Сроду бы не подумал, что выковыривать из довольно просторного салона тягача худенького мальчишку окажется таким трудным делом. Ребятам с колоссальным трудом удается дотащить – или дотолкать, докатить свихнувшегося к дверцам. Там он упирается, не переставая пронзительно верещать, да так прочно, что выдернуть его удастся только совместными усилиями двух троек и Ильаса.

Причем он не дерется. Ему нужно только одно: спрятаться обратно в салон, он просто выворачивается из хватяющих его рук и бьется, как здоровенная рыбина: тупо, бессмысленно, но неожиданно мощно для своих размеров. И этот режущий уши визг! Как у него глотка выдерживает?

Нам с трудом удастся примотать его к носилкам, потом я колю ему весьма зверский коктейль, а Ильяс напяливает повязку на широко распахнутые запредельным ужасом глаза.

Не знаю, что сработало, но паренек затихает и только тихонько поскуливает.

– Свихнулся? – отдуваясь, спрашивает Ильяс.

– Скорее бы сказал, что это острый реактивный психоз – отвечаю на не требовавший ответа вопрос.

– Неужели нельзя это сказать более русским языком? – не нравится Ильяс, когда кто-то шибко умничает.

– Да, свихнулся, – киваю в ответ.

– Вылечить можно?

– Надеюсь, – пожимаю плечами.

Переводим дух. Носилки с пареньком ставим обратно в МТЛБ. На фига, спрашивается, корячились? Сидел бы себе, лязгал затвором.

Вовка уже осмотрел новый агрегат. Все исправно, и ему придется теперь шоферить на гусеницах – с БТР берется справиться старший сапер, а вот гусеничное он водить не умеет – какие-то свои хитрости в управлении этой техникой.

Действуя по такому же принципу, добираемся до следующих броняшек, но в них не оказывается никого живых. Вот шустрик оттуда – из чрева старенького БТР-80 с полустертыми цифрами на блекло-зеленом борту – выпрыгивает, и получается очень ловко у него.

Мы как-то не успеваем рыпнуться. Но меланхолично стоящий на крыше нашего бронетранспортера Андрей молниеносно валит одним выстрелом измаранного кровищей зомби, бывшего при жизни средних лет потрепанным мужиком.

– Зевс-громовец, – выразительно заявляет откуда-то справа водолаз Филя.

– Да уж, не Венера, – показывает слабое знание греческой мифологии Андрей.

Мы уже добрались туда, где на торжествующих победу наших товарищей высыпалось несколько десятков специально откормленных зомбаков, причем не только шустриков – среди густо валяющихся тел ребята быстро находят штук пять недоморфов, которые уже внешне отличаются от просто пошустревших от сожранного мяса: лица у таких словно потекли. Черты размазались, превращаясь в морды, и особенно заметно изменились челюсти. Страшноватое зрелище представляют такие физиономии. У того, что валяется совсем рядом от моего сапога, полуоткрыт рот... Да нет, уже не рот, уже пасть – и набор изменившихся зубов заставляет отставить ногу подальше, хотя вроде бы точно упокоен этот недоморф.

И все вокруг в шелестящих под ногами с легким металлическим звуком гильзах, стены цехов – в густой сыпи пулевых сколов, на броне понуро стоящей брошенной техники – тоже полно белесых пятнышек...

И мертвецы – слоем. Темным слоем на мутно белеющем небольшими кусками насте. Живых тут нет никого. Мы все же заглядываем в цех – и у самого входа я наткнулась на женщину со свернутой шеей. На вид она умерла пару дней назад. В голову приходят слова спасенного нами утром инженера – как живые ломали своим умершим шею, чтобы не дать им укунить себя... За оборудованием ни черта не видно, пол завален всяким хламом – и трупами тоже. Но все они уже окоченели, а мы решили на коротком совещании, что склоняться над каждым и проверять так, как это было принято раньше – не стоит. Потому проверка заключается в коротком тычке ботинком. И пока все тела – словно пинаешь деревьяху.

Хотя и знаю, что меня прикрывают, окружающая темнота давит на нервы. Подсознательно все время жду, что кто-нибудь мерзкий из этой темноты на нас прыгнет.

Пальба начинается неожиданно – в дальнем углу. Лупят вразнобой два пистолета.

Подбегаю туда вместе с пожилым седоватым сапером из приданных и парой водолазов из усиления.

Мертвец – грузная женщина – зацепился рваным пальто за какую-то деталь станка, двигается вяло, топчась на одном месте, и потому двое санинструкторов под прикрытием ребят из четвертой тройки стреляют в спокойной обстановке. И мажут. Причем оба. Раз за разом.

Убогое зрелище.

Только теперь понимаю, насколько ж эти неплохие ребята беззащитны и беспомощны.

Наконец, выстрелом десятым (с пяти-то метров) одному из стреляющих удается попасть в голову зомби. Та шумно валится навзничь.

Выбираемся из цеха удрученные. Получаем головомойку от Ильяса. Санинструктора получают двойную порцию – еще и за перерасход боеприпасов. А потом сразу – еще и третью – за то, что при проверке, с которой у командира не заржавело, у одного в пистолете магазин с парой патронов, а у другого – с пятью.

– Эй, ребята, а я полковника нашел! – окликает нас паренек из третьей тройки.

Офицер лежит с намертво зажатым в кулаке пустым ПМ³. Узнать его можно только по росту, мощной фигуре и погонам. Под подбородком отчетливо видна штанц-марка от ствола пистолета. Застрелился. Потому и обгрызли его так сильно. Только вот под челюстью зубами не дотянулись.

Свечу своим фонариком вокруг, но пропавшего симпатичного и толкового санинструктора, бывшего тенью своего командира, не вижу. Тут вперемешку и мертвые люди – штатские и военные – и дохлые собаки. Залитые кровью, изрешеченные пулями. Упокоенные. Тяжелый запах крови, грязи и смрад дерьма и мочи из разверстого цеха.

Не могу побороть любопытство, и мы с несколькими парнями заглядываем в здание, где стоял до поры до времени нам на беду зомбячий засадный полк. Ничего интересного, кроме обглоданных костей и обгрызенных частей разрозненных скелетов – человеческих и собачьих... Зря совались. Но это мы зря, у саперов другое мнение.

Уйти сразу не удастся – все трое саперов с колоссальным интересом осматривают рухнувшие ворота и места подрывов. Причем седоватый ухитряется залезть довольно высоко, двигаясь неожиданно проворно для своего возраста, и что-то там нашел интересное для себя. Вижу, что он показывает товарищам какие-то не то проволоочки, не то тонкие детальки...

Ну, хорошо хоть им польза какая-то – на территории завода, по предварительным данным, минимум еще в трех местах сидят такие же засадные полки – и черт их знает, сколько всего морфов и шустров. Ворота-то там подперли, но все равно разбираться надо.

Ребята уже собрали то, что получилось собрать, выдергивая автоматы из-под тел. Из бронетехники сформировали колонну: два БТР, две МТЛБ и БМП⁴.

Еще одна БМП сдохла – завести не удалось, а БТР с работавшим все это время мотором остался без горючки. А у нас с собой бочек не оказалось. Потому сняли, что не привинчено – в частности, боезапас – и на всякий случай вывели из строя бортовое вооружение.

Медленно выкатываемся по расчищенной дороге.

Нормально управляются два БТР и Вовкина маталыга. Остальные две коробочки едут крайне неуверенно, и пешие стараются от них держаться подальше.

Ильяс нервничает – мое напоминание о необходимости осмотра других цехов встречает раздраженным бурчанием. Приходится надавить. Это раздражает его еще пуще.

– Фигня, Ильяс. Никому ничего мы не отдадим. То, что наше – то наше, – нащупывает причину волнения Андрей, внимательно наблюдавший за нашей перепалкой.

– Ага! А увести как? Нет у нас водмехов⁵. Так поставить – сопрут и фамилии не спросят: тут всякие шляются.

– Упреют, таскавши.

– Ну да, говори – с утра военные опять припрутся – им эти коробки запонадобятся. Хотя бы для охраны супермаркетов. Значит, хай будет. И что ты им скажешь?

– Утро вечера мудренее. Побросали технику – значит, пролюбили, – меланхолично, как и положено настоящему снайперу, отвечает Андрей.

– Не плюй в колодец, Андрюша: вылетит – не поймашь. Они КАД контролируют, а нам там еще ездить придется, – огрызается Ильяс на слова коллеги.

– Знаешь, мне кажется не о том переживать надо.

– А о чем? О мировой скорби? О том, что в 2012 году астероид может прилететь?

– Выдохни! Сейчас технику подгоним к медпункту, оставим под присмотром наших, проверим пустые цеха – дальше видно будет.

³ ПМ – пистолет Макарова 9 мм.

⁴ БМП – боевая машина пехоты.

⁵ Водмех – водитель-механик.

– А, да ну тебя! Если прохлопаю сейчас трофеи – век себе не прощу. А уж Николаич – тем более.

Тут новый командир прав на все сто. Заболевший Николаич будет поминать своему премнику такой провал долго.

Пока наши разбираются с собранными трофеями, успеваю заскочить на кухню – опять повару что-то запонадобилось, о чем сообщила все та же тощенькая девчонка, от которой уже густо пахнет соляжкой – видно, заняла место истопника. Ну, да соляжка – не ацетон, потерпим. Еще девчонка ухитрилась перемазаться сажей, но зато кожа порозовела, не такая восковая, как была совсем недавно – видно, подкормил повар помощницу.

– Я, собственно, хотел с вами посоветоваться, – начинает толстяк.

– Слушаю вас, – не менее политесно отвечаю я.

– У меня кончились консервы и манка. Принесли небольшой мешок картошки. Просто варить картошку – смешно, очень уж мало. Чистить некому и нечем. Вы не могли бы сообщить командованию, что нужны продукты, и знаете – чтоб вас всякий раз не дергать, связь бы неплохо организовать.

– Хорошо, это сделаем.

Тут я вспоминаю рассказы нашего преподавателя, отработавшего лет тридцать в Заполярье и предлагаю повару раздать картошку, чтоб особо настырные клиенты ели ее потихоньку сырьем – из расчета полкартофелины на нос в сутки.

– Как витамин «С»? – схватывает повар суть.

– В точку.

– И помогает? – интересуется повар.

– Наш преподаватель так успешно от цинги лечил.

– Хорошо, попробую, – усмехается печально толстяк.

– Ждете, что утром бедлам начнется?

– Да. Неясно, по какому пути эта публика пойдет.

– Да уж, путей много.

– Нет, тут вы не правы. Путей мало. Всего три.

– Мало?

– Конечно. Вот послушайте, это еще Гумилев написал.

И толстяк-повар с чувством декламирует:

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет.
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, всевидящим богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры,
Или в заводи тихой реки, –
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не уйдешь от той доли кровавой,
Что земным предназначила твердь,

Но молчи: несравненное право
Самому выбирать свою смерть.

– Собственно, Гумилев тут только и сказал, что мы все умрем. И что дальше? Смысл-то декламировать?

– Смысл как раз глубокий. Человечество выживает уже много тысячелетий – и принципы выживания не изменились с древних времен. Три способа поведения для того, чтобы выжить.

– Не маловато ли получается – для всего-то человечества?

– В самый раз. Только три – и вы не сможете упомянуть четвертый.

– Тогда перечисляйте!

– Запросто. Первый – Конструктивный. Для выживания люди организуются в общество, создают себе защиту, обеспечивают себя продуктами, создавая их, созидавая себе жилье, обеспечивая будущее своему потомству – и давая себе спокойную старость, завязывая торговые и родственные отношения с соседями.

– Ну, предположим, – вынужденно соглашаюсь с очевидным я.

– Второй – Деструктивный. Создается банда для того, чтоб, не созидавая своего, отбирать чужое и жить за счет бедолаг, оказавшихся рядом.

– Так. А третий?

– Изоляционистский. Удрать подальше и жить отшельником. Выживать не в группе, а в одиночку.

– Это как Сергей Радонежский?

– Отнюдь, как говаривала незабвенная графиня. Он не выживал в отшельничестве – он Веру искал. В смысле – постигал религию и самосовершенствовался. Постиг – вышел к людям. Если уж вам так нужен живой пример – так больше подходит семейство Лыковых.

– Ну да, ну да... Живой пример тому – ныне покойный Иван Иванович...

– Вы можете добавить четвертый способ?

– Я должен подумать.

– Бьюсь об заклад – ничего нового не придумаете.

– Ладно. Пока больше голова болит, чтоб эвакуировать всех тяжелых... Да, и еда, конечно... Еда, вода...

Ботан-радист радуется: скоро придут еще группы, в том числе и из Крепости.

Наши обстоятельства сообщены, так что, возможно, и ремонтники будут, и водилы. Ильяса точит, что две коробочки так и стоят брошенные. На его осунувшейся физиономии это как маркером написано.

– Ты пока тут побудь, мы все-таки железячки дернем – не могу, чтоб они там оставались, – бурчит Ильяс.

– А тут кто останется?

– Вот ты и останешься. Мы только часть народу возьмем. Давай, действуй!

– Ильяс, зря ты это – припрется кто – угонит железяки уже наши отсюда.

– Вот и охраняй. БТР сейчас – акче⁶!

Мне не удастся выразить в звуке все свое неудовольствие, а наш батыр уже слинял на двух броневиках, забрав большую часть личного состава. И Филя урыл, и саперы. Прошу Сашу максимально приглядывать за стоящей техникой. Взять пару человек – и приглядывать. Техника стоит сплошным черным массивом. Только антенны торчат сверху в посеревшем уже небе. Подобраться можно со всех сторон – тут эти железяки друг друга загораживают. У нас

⁶ Акче (*там.*) – ценность, сокровище.

так из охраняемого часовыми парка пропало несколько танковых катков. Все расположение обыскали – пропали катки. А ведь не иголка – каждый за сто кило весит... Блинчик зеленый.

Потом на КПП девушка-пионервожатая пришла. У них был в школе сбор металлолома...

Ну, дальше понятно? Точно, пионеры ухитрились с ремонтируемых танков четыре катка увести. Как – одному богу известно. Семикласснички... И три километра до их школы – специально померили – как-то перли. По тропинке. Над речным обрывом.

А тут – если проморгаем – кончиться все может куда хуже. Боезапас-то в каждой машине.

Собираюсь позвать ближайший к нам патруль, но он отирается у кухонь – вроде и близко, да не очень. Второй пары вообще не видно.

– Скорее! Ты – врач? Да? Скорее – там моя жена рожает!

Молодой парень, неприятно землистая кожа, глаза какие-то снулые. Но возбужден сильно. Жена рождает – это не фунт изюму, тем более в таких условиях.

Делаю, не подумав, вместе с ним несколько шагов, потом останавливаюсь, начинаю разворачиваться. Нужна горячая вода, теплое помещение, подмога. Куда это я поскакал?

– погоди, надо носилки взять, ребят еще – даже если рождает, в палатке с печкой это лучше де...

В голове грохает гулкий колокол, я как-то нелепо падаю, потеряв по дороге ориентацию в пространстве, и потому шмякаюсь, сбив дыхание. Что-то рвет у меня ухо.

– Эй, э... Что...

Еще раз гулко по башке. Ухо больно очень и голову крочит набок. И еще раз колокол...

Прихожу в себя с трудом, кто-то дергает меня за плечо. А я сижу в какой-то нелепой и неудобной позе. Руки подламываются, но я вроде ухитрюсь на них опираться. Меня кто-то ритмично и очень нежно трогает за кончик носа – быстрыми легкими касаниями.

Фокусирую глаза. Голова не моя. Руки вижу. Между ними – серый грязный наст, и по нему проявляются темные точки. До меня, наконец, доходит, что это такое.

Капельки крови капаят из носа – и словно кто-то тихонько трогает тебя за нос – организм не может понять, что это из него утекает, не положено такому, вот нервы и сигналият, как умеют... Получается странно. Цвет крови на темно сером – какой-то неправильно веселенький...

Что это я опять отчебучил?

А вообще хрен его знает.

Кто-то подхватывает меня под руку, помогает встать. Ноги тоже не мои. Нет, так-то внешне – мои, в бахилах озкашных, не отказываюсь, и расположены правильно: правая – справа, левая – слева, только слушаются плохо. И голова не моя... Вокруг несколько человек, что-то спрашивают наперебой.

Наконец, начинает доходить. А еще у меня нет сумки с медикаментами на боку. Башка гудит. А ухо болит. Трогаю – да и там мокро.

– Этот урод у тебя сумку сорвал! И по каске настучал – у него то ли фомка, то ли монтировка. У вас каска криво сидит! Да не слышит он вас! Ну, давай оклемывайся, Жёппа!

Ага, по последнему, что я выловил из кучи разноголосых реплик – и братец тут.

– Куда он побежал?

– Не знаю. На вот тампон, прижми ухо, а то кровит.

– Я видела – за ним двое патрульных погнались.

– Знаете, мне бы присесть, а?

– Пошли в медпункт!

В медпункт – это я с радостью...

Ввалившись в палатку, сгоняем дремавшего сидя мальчишку-санинструктора с его наеста. Это тот, который истерику закатил и был подвергнут рукоприкладству. А сидел он, оказывается, на сложенных стопкой касках. Она как нашими трофеями распорядился.

Мы, копая немецкие окопы, однажды нашли стопку из составленных друг на друга восьми касок – пулеметчик на них сидел... Откуда он каски надыбал при том, что рядом ни одного шкелета не было – а мы метров 50 – 60 по траншее все взрыли в полный профиль – неведомо. Причем и каски были какие-то разношерстные по окрасу: и зимние, и летние... И почему ему ящики не подходили – а там, в траншее, и снарядные, и минометные, и черт знает какие еще откопались – тоже непонятно. Мы вот на этих касках пробовали сидеть – так задница устает быстро... На ящиках лучше.

Но ящиков у нас нет. Сажусь на теплые каски. Неудобно, как в детстве – но очень приятно.

С меня снимают мою собственную, хотят кинуть в сторону. Не, так дело не пойдет, меня сегодня шлём спас – следы от ударов четко видны на шаровой краске. От души сволочь бил. Ничего, я его рожу запомнил – свидимся еще.

Нос затыкают ватой, даже кто-то из особо умных рекомендует запрокинуть голову, но с этим заявлением тут же сам оказывается заткнутым. Сижу, как положено: носом книзу, братец своими клешнями вату прижал к уху – видно, пряжка от сумки зацепилась, вот и надорвало ухо-то. Ладно, сейчас кровь свернется – можно будет действовать дальше.

– Это уже совсем дело дрянь, – громко заявляет братец.

– Вы о чем? – удивляется светленькая толстушка – медсестричка из приданных.

– Да о том: вон, старшенькому по голове настучали, звон был – как в Ростове Великом при большом церковном празднике. Мы тут сидим на птичьих правах – дальше что? Мне тут не симпатично. Причем – ни разу!

– Давай на правах подлекаря, братец, связывайся со штабом. И это – радиста еще спроси, когда наши будут. Вроде с Крепости должны были прибыть, – у меня как бы в ушах уже не так шумит – начинаю распорядиться.

Разбудили титаническими усилиями санинструкторов. Организовали два своих патруля. Ботан порадовал: уже сейчас наши прибывают, вот-вот, можно сказать. Наконец, и Ильяс вернулся и очень удивился – ботан сгоряча ляпнул, что врача убили до смерти.

А тревога не проходит.

– Ярый!⁷ – говорит Ильяс. Нет, он конечно рад, что я живой, но вот коробочки оставшиеся ему покоя никак не дают. И факт – он их там не оставит.

Но что хорошо – убывает багатур на этот раз с половиной людей и на одном БТР.

Как только уехал – приваливает куча народа. Наши! Сроду бы не поверил, что серенькая невзрачная физиономия нашего начвора⁸ доставит мне такую радость. Начвор крутит носом – не доперло им бахилы взять, явно вляпались по дороге в отходы жизнедеятельности.

– И как вы тут? – деловито спрашивает начвор.

– Ценю, что начали не с сурового «доложите обстановку», а так вообще-то плохо. Ситуация непонятная. Армеуты прислали всякого добра по принципу «на тебе, небоже, що мени не гоже». Всего не хватает. Публика после освобождения попадала кто где, дрыхнет после трех дней стояния на ногах в запертых цехах. Порядка нет – на меня вот какой-то убугод напал, настучал по голове, сумку спер.

– Сколько здесь освобожденных? – начальник службы вооружения Петропавловской крепости вправляет поток моей болтовни в русло.

– Несколько тысяч, точно никто не скажет.

– Их как-то регистрируют? – удивляется собеседник.

⁷ Ярый – (там.) ладно.

⁸ Начвор (жарг.) – начальник вооружения.

– Не видел. Да и некому. Пока жратва была – кормили, теперь кипяток раздаем. На том конце – вроде еще кухни были, не ходил.

– Ситуацию, то есть, не контролируете? – шуруется начвор.

– Вот до кухни и у палаток – более-менее. Да еще есть патрули, и часовые выставлены вроде. Внутри – хрен его разберет.

– А это у вас тут что? – интересуется гость.

– Пародия на медпункт. В барачной палатке – полсотни тяжелобольных, да еще, по моему, пара сотен просто в тепло спать набилась. Помощь мы оказали полутора сотням обратившихся, – говорю ему чистую правду.

– Обратившихся? – всерьез удивляется собеседник.

– За медпомощью обратившихся, – поправляюсь я.

– Зомбаки шляются?

– Шляются. Но мало. Хуже – тут мины попадают.

– Уже были пострадавшие?

– Пока нет, – надеюсь, что и дальше так же будет, отвечаю ему.

– А почему пока? – невесело хмыкает начвор.

– Утром начнут ползать – обязательно кто-нибудь напорется...

– Из тех, кто тут командовал – этих людоедов – кого-либо живьем взяли?

– Да был язык. Тут вроде ваши коллеги работают. Допрашивали при мне.

– Так, а что за техника здесь стоит?

– А эта – из армейской бронегруппы. Экипажи накрылись при атаке шустров, а мы ее, бесхозную, прибрали. Когда цеха осматривали на предмет сбора пострадавших. Ну, вам рассказывали наверно?

– Да, в курсе. Штаб тут в этом кефирном заведении где? Нет, рассказывать не надо – на схеме покажите. Да, и кстати. Эти беженцы – которых мы сейчас видели у кухонь – почему не спят? – хмуро уточняет он.

– Мы напрягли нескольких мужиков помогать. А экземпляр схемы есть для нас?

– Для вас – нет. Сидите тут при медпункте. Для того, кто Николаича заменил – привезли. Ладно. Вы помогалам этим своим что-нибудь обещали?

– Нет. Просто приказал таскать воду.

– Еще такие помощники есть? – явно ведя разговор к концу, спрашивает напоследок начвор.

– Ну да. Инженер Севастьянов – он отсюда сбежал, потом был проводником – правда, не в нашей группе.

Показываю начвору, где штаб, куда поехал Ильяс и где надо будет обеспечить санитарный поиск. Кивает, потом быстро сваливает, прихватив не что-нибудь, а БМП.

Больные перестают прибывать. Ну да – собачий час. Всех разморило.

Даже у кухонь притихло. Но неугомный повар о чем-то говорит тем, кто помогает ему в работе. Когда подхожу к кухне, слышу: повар постоянно и очень убедительно, даже заворачивающе все время говорит что-то.

Прислушиваюсь – и меня охватывает ощущение сюрреализма происходящего.

– Экспедиция адмирала Ноульса в Балтийское море, русско-шведская война 1719 – 1721 годов, например. Высадившись десантом на остров Нарген, британцы сожгли у нас избу и баню... Петр Первый милостиво согласился компенсировать владельцам за свой счет стоимость избы, а Меншиков – компенсировал стоимость бани. Еще англичане безмолвными наблюдателями смотрели, как под Гренгамом русские галеры методично и спокойно вырезают «на шпагу» команду четырех шведских фрегатов. Сами же не вмешались – дескать, мелко больно и фарватера не знаем. Так что шведам они тоже были хорошими союзниками.

Следующая англо-русская заваруха – 1801 год. Адмирал Нельсон (тот самый), спалив к такой-то матери Копенгаген (Копенгаген) – кстати, без объявления войны, – попер на Таллинн. Но тут обошлось: в Питере Павел Первый помер от апоплексического удара табакеркой в висок, и замирились.

Зато в 1807 – 1812 Россия воевала с Англией не на шутку: тут тебе и морские бои были, и попытки англичан «парализовать русскую торговлю и рыболовство». Что греха таить, воевали мы в ту войнушку не слишком весело: на Балтике потеряли 74-пушечный «Всеволод» (дрались, правда, до конца: выжило только 56 русских моряков, а что «Всеволод» сдался, мол – лжа британская наглая, флага они предъявить не смогли), погиб в бою и 19-пушечник «Опыт».

Хотя бы про Крымскую вы знаете? И про содействие Британии инсurreкции в Польше? А про дело шхуны «Виксен», везшей оружие чеченам? Англия – самый ГОВНИСТЫЙ противник России 19 века. И весь 19 век они нас, в общем-то, не любили – ажно кушать не могли. С кратким перерывом на 1812 – 1814-й, даже не 1815-й – уже тогда Веллингтон начал возбужать и гадить...

– Но ведь дрались же с общим врагом! – возражает истопник, копающийся у форсунок. (А, вот кому это все говорится, я-то уж было подумал, что повар с ума сошел. А они, оказывается, диспут ведут на исторические темы – железные люди в расчете кухни).

– Да уж – сражались с общим врагом... То как генерал Вильсон под Бородино, который настаивал, чтобы Кутузов дал Наполеону «во имя интересов человечества» бой под стенами Москвы и положил всю армию; то как в Первую мировую: когда чуть у инглизов на Сомме запарка – давай, русский Иван, – наступай в болота Польши, выручай союзничков; то как в Великую Отечественную, когда британцы не пожалели лишних канадцев – высадили их без поддержки под Дьеппом, чтобы, мол, обозначить активность в Европе перед маршалом Сталиным в 1942-м.

– Так, но все равно же союзник, Федор Викторович!

– АТЛИЧНЫЙ союзник. С таким даже врагов не надо... А еще какой блестящий нейтралитет: в 1904 – 1905-м, когда японским макакам в Сити аплодировали стоя («Победу под Цусимой над царской Россией одержал, джентельмены, не японский флот, а наш флот, во имя наших интересов в Китае...»). Доаплодировались ажно до Сингапура с речкой Квай. Или как инглизы в 1919-м под Архангельском с мониторов деревни газом травили, напомнить? Союзники, млин, братья по оружию.

Простых англичан сие не касается – те, и правда, бывали союзники, а вот «истеблишмент» тридцать раз их канцером – Шуршилл, который Спенсер, достойный потомок взяточника Мальборо – не успела война кончиться, какие бочки в Фултоне накатил – спасибо, спасибо ТАКОМУ союзнику: удружил-с. Так, готово, сварилась манка, давайте. Разливаем!

Саперы и водолазы выручают – взяли на себя охрану медпункта, да и техники, а остальных, пока есть передышка, я отпустил дрыхать по машинам. Из прибывших с начвором пара человек остались с нами, вместе с саперами посматривают за порядком. Саша после нападения заявил, что шага от меня не сделает, да и братец еще не спит. Ну, братец всегда удивлял – может пару суток не спать без особых проблем, зато потом сутки дрыхнет, и хоть его за ногу таскай – не проснется.

– Ты как думаешь – минновзрывные травмы будут утром? – спрашивает меня братец, раскуривая свою роскошную трубку.

– Будут, – отвечаю я, нюхая ароматный дым.

– На сколько ставишь?

– Ну, две.

– А я думаю – одна. До полудня.

– Охота вам такое говорить – беду накличете, – осторожно замечает Саша.

– При чем тут накличете? Это статистика. Положено было в год угробиться тридцати тысячам на дорогах в автоавариях – и гробились. И беду накликывало не то, что об этом говорили, а совсем другое – купленные права, безголовость и хреновые дороги все с теми же дураками...

– И все равно – не буди лихо... Давайте тему сменим, а? Вот раз уж не спим – почему человеку с дыркой в пузе нельзя давать пить? – сворачивает тему Саша, видимо, думая об истопнике с прободной язвой.

– Ну, это ж все знают! – удивляется братец.

– Этот, из патруля – не знал явно.

– Да тут все просто. Пищеварительная система – она для чего? Для пище-варения. Все, что человек слопал и выпил – перерабатывается, переваривается. Потому там и щелочь, и кислота, и куча весьма злобных ферментов – чтоб, например, то же мясо разобрать на фрагменты. Пищеварительная система – как трубка. Изнутри выстлана специальным защитным слоем, и потому готова ко всем этим кислотам-ферментам. А вот снаружи – защиты такой нет. Сравнение дырки в желудке или кишечнике простое: картина пробоя в фановой трубе, по которой в кухне вся канализация протекает. Пока вся канализация внутри трубы – в кухне чисто и приятно. А как лопнула труба... – как всегда, очень издалека и подробно начинаю я вразумление.

– Так вся кухня и вообще квартира в говнище по колено – братец видимо решил, что у малоопытного Саши не хватает воображения.

– Потому если пациенту с дырой в желудке или кишечнике дать еще попить...

– То в кухне и квартире говнища прибавится и будет не по колено, а по пояс – все так же деликатно заканчивает лекцию мой братец.

– Так ведь хирург потом все равно все промывает и чистит, – не успокаивается Саша.

– Ну, а разница не видна – между подтереть тряпочкой лужу на кухне или вычерпывать говны по всей квартире? Стоя в них по пояс? Ущерб где больше?

От продолжения лекции отвлекает прибытие какого-то агрегата. Оказывается, Ильяс приволок на буксире БТР без горючки. Узнает о прибытии начвора и сразу скучнеет.

– Ясно. Будут из нас амебу делать!

– В плане – давайте, ребята, делиться?

– Ага. Хапкидо – искусство хапать и кидать.

– Ну, так нам все равно не утащить с собой все. Даже и вести некому.

– Э, что с тобой говорить! Раздать все – и босым в степи – так, что ли?

– Нет, я такого не говорил. Просто ты вполне можешь выторговать взамен и нам что полезное...

– Говори, говори, льстун... Ладно, поедем БМП притащим. К слову – рад, что ты жив остался.

Ишь как!

Меня развозит еще пуще. Но если прикемарить – потом долго в себя не придешь. Потому как усталость тяжелая. Давящая. Это когда на машине катишь, и дрема нападает – то вполне двадцати минут вздремнуть хватит, а вот когда все тело устало, не только мозг – тут минутами не обойдешься. Меньше четырех часов спать – без толку, только хуже будет. К тому же время гадкое: если на нас кто нападет – то, скорее всего, сейчас.

На воздухе становится и впрямь легче.

Начинаем обход – и тут же сталкиваемся с нашими: пара саперов задерживает смутно знакомых мужиков. Двое тащат третьего, и в этом волочащемся я с мерзкой радостью узнаю «мужа рожающей женщины».

– Во, узнаете – этот? – спрашивает один из таскателей.

– Этот, сукота! Он самый.

Несколько удивляюсь, потому как двое – а это патрульные, бывшие раньше у кухни – бодро поворачиваются на 180 градусов и маршируют прочь от нас. Пока я думаю, что это они собрались делать – и мне даже приходят в голову дурацкие заумные мысли о камере предварительного заключения, трибунале и прочем воздействии Фемиды на того, кто меня хлестал железякой по каске, – патрульный повыше прислоняет задержанного к стенке здания и быстро отскакивает в сторону, а второй, коренастый, какой-то брезгливой короткой очередью перечеркивает моего обидчика.

Расстрелянный сползает по стенке – там как раз лежат двое упокоенных нами раньше зомби.

Коренастый закидывает автомат на плечо и подходит к нам.

– Яке жажлыве самогубство⁹... – ехидно это в его устах прозвучало. Он протягивает мне мою сумку. Надо же, вернулась.

– Спасибо.

– Тю, та нема за що!

Залезаю глянуть. Медикаментов поубавилось, да и в коробочке с ампулами – четырех не хватает. Вопросительно гляжу на коренастого. Тот уже без шуточек отвечает по-русски, но с очень внятным южным акцентом.

– Эта хнида сумку вывернула на землю перед тем, как вмазаться – кохда собирали, что особо попачкалось, класть в суму обратно не стали. Себе тож немнохо взяли, ну так – из пачканного же. И по ампуле тоже. Но мы ж – не бесплатно, – коренастый уже без всякого юмора кивает в сторону напарника, поджидающего, когда убитый обратится и начнет вставать.

– И зачем вам ампулы? – туплю я. Вроде они – то на наркоманов никак не похожи.

– Спокойнее, кохда есть. Хоть и по одной на нос – доходчиво объясняет патрульный.

– Воевали? – до меня, наконец, доходит, что им ампулы нужны ровно для того же, что и мне – а именно, обезболить при ранении.

– Было дело – коротко отвечает патрульный.

– Чечня? – неожиданно спрашивает тот сапер, который седоватый.

– Ни. Я за мусульман воевать не буду, – серьезно говорит коренастый патрульный.

Бахает выстрел. Что характерно, никто и не почесался – ни на очередь, ни сейчас.

Второй патрульный подходит к нам, с ходу просекает обстановку и начинает тянуть напарника в сторону, приговаривая, что пора вернуться к кухне, которую они ради ликаря покинули.

– Что скажешь, Крокодил? – спрашивает напарник седоватого.

– По мне, так и их грохнуть надо б. Или проверить.

– Думаешь, из УНСО мальчики?

– Не удивлюсь. Но хоть с принципами...

– А кроме Чечни, украинцы где еще воевали?

– Везде. И в Карабахе, и в Абхазии. Причем с обеих сторон... Ладно, живы будем – приглядимся. Вы, к слову, того мордатого не обыскали? – поворачивается ко мне сапер.

– Которого? – не понимаю я.

– Да вон – у стеночки лежит. Безрукий который – сапер показывает на упокоенного, бывшего при жизни охранником в этом самом лагере. Ручонку-то ему снесло из крупнокалиберного, потому и некомплектный зомбак получился.

– Нет. А надо?

Сапер по кличке Крокодил пренебрежительно фыркает носом и идет, не торопясь, к мертвецам у стенки.

⁹ Яке жажлыве самогубство (укр.) – какое ужасное самоубийство.

– А что его Крокодилом зовут? Может, по именам познакомимся?

– Пока не стоит. Меня зовите Правилем – отвечает старший саперной тройки.

– Правило или Прави́ло¹⁰?

– Оба допустимы. Вот схему минирования мы так и не нашли, что печально. То, что мальчик показал – сняли, но не факт, что это все. Как бы с утра не потащили ущербных.

Крокодил тем временем подходит с жменей всякого барахла из карманов покойного охранника. Саша брезгливо морщит нос. Саперы уходят в палатку, но очень скоро выкатываются оттуда оба – причем, не долго думая, угоняют БТР.

Тот, который Руль, успеваешь махнуть с брони – дескать, обходитесь пока без нас.

Наверное, нашли, что искали.

– Счастливые люди, – меланхолически замечает братец.

– Так мы тоже счастливые, – возражаю я – просто, чтоб не уснуть.

– С одной стороны – несомненно, – так же меланхолически соглашается младшенький.

– А с другой?

– С другой... нет. Конечно, нам остолбененно повезло, что в самом начале остались живы. Упредить успели, кого смогли, тебе люди хорошие сразу попались, мне тоже: если б не Миха – я бы, может, и умом тронулся. А у Михи психика – железобетон марки 600. Родители наши – в глухомани, надеюсь, живы. Так вот глянешь на то, что в этом лагере творилось – особенно это понимаешь.

– Так в чем дело?

– В этом. Во всем этом. Какой везухой это назвать можно? Корабль-то потонул, а то, что нам повезло в шлюпке оказаться... Еще неизвестно, как оно окажется, – братец и впрямь выглядит понурым.

– Да брось. Сказку Гайдара читал? Про горячий камень?

– А что, Гайдар еще и сказки писал? – удивляется Саша. Ну да, он же молодой совсем – не того Гайдара помнит.

– Не, речь про его дедушку. Так вот у него есть сказочка: типа, вот лежит валун, на ощупь горячий – и мальчику становится известно, что если его раздолбать – то жизнь снова проживешь. Ну, мальчик идет к герою-революционеру: типа, дедушко – вот иди разломай камень, а то ты вот и без руки, и без ноги, и без глаза, и без зубов – а так жизнь проживешь заново.

– И что революционер?

– Не, говорит, на фиг мне это – чтоб опять и ногу оторвало, и руку отрубили, и зубы повышибали...

– Э, как всегда заковыристо... Проще-то, что хотел сказать? – иронизирует братец.

– Проще? Ну, вот с дедами нашими ты хотел бы временем проживания поменяться? Чтоб три войны, да коллективизация, да индустриализация? Или с отцом – охота поменяться временем проживания? Чтоб опять же пара войн, да блокада, да голод, да потом работа на износ на благо страны – и в итоге оказывается, что работал на страну, а присвоили себе все это сотня шустрых прохвостов? К фигам. Мне мое время нравится больше. Хотя и такое оно нам досталось. Вот и нихть ин ди гроссе фамилие клювен клац-клац.

– Ладно. Залез на своего конька. А я вот хочу рыбу половить, да в баньке попариться, – потягивается братец, словно большой котяра.

– Ну. Скоро уже народ просыпаться начнет – взопреем мигом. Токо так пропотеть – в минутку.

– Это да. Часа два – и начнется...

¹⁰ Прави́ло (уст.) – руль.

– О, Личный Его Императорского Высочества Принца Фернуапа Тридцать Девятого Четырех Золотых Знамен и Золоченого Бунчука с Хвостом и Брюкалкой Именной Бронеход «Гордый Варан», – говорит Саша при виде нашего бэтра, волочащего за собой другую железяку.

Совершенно неожиданно первым с командирской машины прыгает Демидов – вот уж кого меньше всего ожидал тут увидеть, так это нашего воспитанника из беспризорников.

– Ты-то откуда? – удивляюсь я визитеру.

– А я с пополнением! – горделиво заявляет Демидов.

– Что, Дарья тебя отпустила?

– Ну... почти...

– Гляньте, а он с винтовкой!

И действительно, на плече у Демидова – малопулька. Вид у него забавный – с одной стороны, вроде как побаивается. А с другой – как бы и самолюбованием занимается. Гордится мальчишка собой, явно.

– Вот сейчас Андрюха вставит тебе фитиля.

– Не. Он одобрил. Только звание такое присвоил, что не пойму, – говорит Демидов.

– Это какое?

– Гаврос. Это что ваще? Че-то на Барбоса типа? – подозрительно уточняет воспитанник.

– Гаврос, – удивляется Саша. – Греческое что-то?

До моей головы, наконец, доходит.

– Да не Гаврос. Гаврош, наверно?

– Да, точно – Гаврош. Это – собака?

– Не, это пацан такой был, беспризорник. Когда в городе Париже пошли уличные бои – воевал, как зверь. Так что все в порядке: почетное погоняло. Ну, то есть звание.

– А, ну тогда – ладно. Бывшая «Надежда группы» успокаивается – видно, опасался попасть снова в глупое положение. А так не стыдно – свой брат, пацан такой кульный...

Шум в ушах все-таки сильно мешает. Надо же, как меня этот чертов наркоман уделал. С другой стороны, не удивительно. Ради кайфа нарк пойдет на любое преступление – ему и себя не жаль. Что забавно, я ж своими глазами видел два эксперимента, после которых словечко «кайф» стало для меня синонимом слова «смерть».

Известно, что у любого живого существа самое главное – это его жизнь.

Но не всегда.

Я-то прекрасно помню эти довольно интересные эксперименты по поводу приоритетов.

Антураж – клетка с полом, к которому подведен ток. Когда крыса идет по полу – ее бьет током. Ток можно регулировать – вплоть до смертельного уровня. Есть два безопасных островка на торцах клетки, там током не бьет. Крыса располагается на одном конце, а на другом размещается что-то важное для крысы.

Еда. Крыса идет к еде, и ее шарашит током. В конце концов, при повышении силы тока крыса предпочитает сдохнуть от голода, но не получать разрядов.

Вода. Тут силу тока надо увеличивать – от жажды крыса помирать соглашается только под более сильными разрядами. Потому как без воды крыса живет не дольше суток – обмен веществ у нее ураганный.

Детеныши. К своим новорожденкам крыса-мама прет, невзирая на любой ток. Плевать ей на ток, когда голодные детеныши пищат. Как пишут в романах, «только смерть могла остановить ее».

Понятно с приоритетами? Так вот, оказывается, что если сочетать этот эксперимент с живлением в мозг – а точнее, в центр удовольствия – электродов, когда крыса давит на клавишу и получает кайф, то такой кайфующей крысе похрену и еда, и питье, и детеныши.

Ее ничего, кроме собственного кайфа, не интересует, и кайфует она аккуратно до смерти, которая из-за пропажи интереса к жратве и питью наступает через сутки...

Вот я и вижу, что нам старательно вколачивают, что самое главное в жизни – это кайф... Крыса с детенышами и клавишей так перед глазами и стоит.

Вроде бы становится светлее. Или из-за фонарей на технике? И вроде бы уже глаз различает, что техника – зеленого цвета и даже детальки всякие. Или все же фары?

Народу становится еще больше – начвор обратно приехал.

Первым делом они сцепляются с Ильясом.

Нашему командиру уже не понравилось, что саперы утряхали на коробочке, а то, что начвор увел самую мощную нашу единицу – понравилось еще меньше. А тут начвор нагло налагает лапу на большую часть благоприобретенной нами техники. Этого Ильяс вынести не может.

– Начвор, эти мукти бхукти¹¹ здесь не прохонже! Я тебе не девадаси¹²! Мне такие майтхуны¹³ на хрен не нужны! Техника была брошена, мы ее взяли с боя, при проведении этих, спасательных работ. А тут ты такой красивый нарисовался и говоришь, что нам хватит трех БТР, а на остальное лапу накладываешь?

Оппонент оказывается тоже не прост.

– Ну а я – не сурасундари¹⁴, а офицер. Есть приказ по Кронштадтской базе – а полномочия мои тебе от Крепости известны, но можешь и уточниться. Поэтому не надо мне тут – и начвор широко ухмыляется – майтхуны показывать. Все четко и просто: на охотничью команду с прикомандированными – три БТР. И все. А то хитрый какой – нахапал полну попу огурцов и по-хинди говорит.

К нам подходят несколько прибывших с начвором мужиков. Заместитель коменданта Петропавловки Михайлова – медлительный, вальяжный – неторопливо выговаривает:

– Это тебе повезло, что их Старшой в больницу попал. У того еще хлеще было, по принципу:

Сел паром на мели – три рубли.

Сняли паром с мели – три рубли.

Поели-попили – три рубли.

Итого: тридцать три рубли...

Начвор морщится.

– Я в курсе. С самого начала. Так вот – какие неясности?

– Дакаити¹⁵ просто откровенный! – продолжает Ильяс.

– Чья бы корова! Нам еще отмазываться от армеутов придется. Они почему-то эту технику своей числят. Да, к слову – я и Старшого предупредил. И от него добро получено.

Ильяс пышет жаром. Но последнее его сломило – машет рукой.

– Не унывай, дружище, – задумчиво произносит Михайловский заместитель, помни:

«Судьба играет человеком,
Она изменщица всегда!
То вознесёт его высоко,

¹¹ Мукти бхукти (*хинди*) – освобождение от материальных привязанностей.

¹² Девадаси (*хинди*) – храмовая танцовщица.

¹³ Майтхуна (*хинди*) – тантрический секс.

¹⁴ Сурасундари (*хинди*) – небесная дева.

¹⁵ Дакаити (*хинди*) – разбой, грабеж.

То бросит в пропасть без стыда!»

– Да ну тебя к Иблису, мораль мне читать, – машет рукой наш начальник.

– Ты не ругайся, ты детальки-то верни. И боекомплект попяченный, – спокойно усмехается вальяжный.

– Какие детальки? Какой боекомплект? – искренне хлопает глазами Ильяс.

– Детальки такие – металлические, боекомплект – опять же такой, металлический. Ты же, жук хитрый, вторую БМП разоружил, а?

– Не бросать же так было! И все равно – с какой стати мне вам все отдавать? – безнадежно топорщится Ильяс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.